

КОРАН – ВЕЛИЧАЙШАЯ КНИГА НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

Продолжение.
Начало см. в № 36, 37, 38

Мухаммад действительно был и остаётся последним пророком. Что же объединяет его с пророками прошлого?

Как и Заратустра, Конфуций, Будда и Иисусу Христу, Мухаммаду было свойственно особое состояние ума – страдание и созерцание. И тут невольно вспоминаются слова Гюстава Флобера: «Страдать и мыслить – не одно ли то же? Быть может гений, в конечном счёте – всего лишь утончённая боль, то есть самое полное и сильное проникновение внешнего мира в нашу душу!»

До пророка Мухаммада в Аравии не было определённой религиозной ориентации, и хотя кочевники были язычниками, а иудейское население исповедовало христианство, их объединяло лишь одно – они были семитами, прародиной которых считается Месопотамия или Аравийский полуостров.

Ислам за время своего существования (а это более 1300 лет) превратился в мировую религию – светоч ума миллионов людей на земном шаре. Какой же тайной обладает эта святость, если она стала неотъемлемой частью духовной жизни миллионов мусульман во всем мире?

«Стремление к знанию есть Божественная заповедь для каждого верующего», – говорил основатель ислама. Поэтому, по всей видимости, «как учение, он давал ответы на повседневные вопросы, а как религия был нацелен на практику: его положения, – подчеркивает Шумовский, – были гораздо более конкретны, чем в христианстве, а значит – более понятны обычным людям».

Ислам утверждал не умозрительную, а доказательную мысль о существовании единственного Бога; он призывал к усвоению проповедуемых истин дорогой знания, убеждённости, через трезвое размышление. Ислам доказывал существование Аллаха не от веры, а от знания, от заключения по очевидности, по осмысленности, и этот вывод убедительно объясняет причину высокого развития науки в странах средневекового мусульманского мира.

«Бог стяжает повиновение благодаря науке, поклонение – наукой и признание Его единым – при посредстве науки: «Ищите науку, хотя бы в Китае» (т.е. хоть на краю света), – говорил, по преданию, Мухаммад. И заключал: «И все же есть среди людей такие, кто об Аллахе спорит без Знания, без Руководства, без книги, освещающей умы и души». – А что такое Знание, если не наука? – Коран всей своей сутью освещает путь науки».

Вот, что говорит Коран о сотворении земли и неба. Ниже мы приводим поэтический отрывок из сур 21 (Пророки):

*Ужели грешникам не видно: просторы неба и земли
Когда-то были прочно слиты, но разделить Мы их смогли!
Мы сотворили все живое из вод, разлившихся в мирах.
Упрямцы вновь не станут верить? Ужели им не введом страх?
Охраным сводом сотворили Мы небо, крышей для всего,
Но отвращаются упрямцы от мудрых знамений его.
Создатель Тот Единый, Вечный, Кто создал ночи, создал дни.
Он и луну вознес, и солнце – по сводам плавающих они.*

(Перевод Т.А.Шумовского)

Это разделение «целого на части» привело к формированию галактик, потом было новое «рассечение» на части – и появились звёзды, потом планеты. В Коране, как видим, описан переход количества в качество, и это произошло за тысячу лет до Гегеля.

«Всевышний заложил в ислам принципы на все времена, только надо иметь желание их видеть и понять» (Исламовед О.Азизбеков, газета «Эхо» 7. IX. 2011).

Да, Коран всей своей сутью освещает путь науки. Ещё в 20-х годах прошлого столетия были широко известны труды проповедника христианства Валентина Феликсовича Войносецкого, доктора медицинских наук, прес. рессора и хирурга, который писал: «Наука без религии – небо без солнца. А наука, облечённая светом религии – это вдохновенная мысль, пронизывающая ярким светом тьму этого мира».

А в суре 36 чётко написано: «Послание сие – напоминание Господне и ясные заветы аль-Корана для увещания всех тех, кто разумен».

*Что Ислам? – Душа Корана,
Сущность Бытия,
Благоденствия нирвана
И второе «я».
Вера в силу откровений
И людских сердец,
Утверждение прозрений,
Что наука – жрец.*

...Материал для своих проповедей пророк Мухаммад черпал из разных источников – из древних арабских преданий, из христианских апокрифических текстов, из персидских (близких к зороастризму) сказаний. Но весь этот богатый источник первоначальных сведений он так переосмысливал, что доводил его до неузнаваемости, беря из него только то, что соответствовало (развивало и дополняло) религиозной системе, которую он создавал. В то же время, – как это не парадоксально, бытует мнение, что он не имел к пропове-

дам никакого (прямого) отношения, и что это отрывки ниспосланной самим Богом книги Коран.

«Однако, – считает Шумовский, – Коран не мистическое произведение. Да, его создал ум, слышавший в себе голос Бога... Но этот ум принадлежал земному человеку. В природе вечной Книги ислам отражена живая действительность...».

Примеров тому много: так, в 105-й суре «Слон» повествуется о том, как Бог спасает осаждённый город Мекку потому, что это родина Мухаммада, будущая колыбель мусульманства:

*Не ты ли видел, как твой Господь, в своём возмездии суров,
Сразил строптивого раба, на вас погнавшего слонов.*

Да, Мухаммад не имел образования, не умел писать, но это был чрезвычайно умный человек, ещё в детстве проявивший крайнюю любознательность и даровитость. Он обладал феноменальной памятью, повторяя ниспосланные ему сурь бесчисленное множество раз, проповедуя новое вероучение ислам. И когда количество сур перевалило более чем за 40 проповедей (некоторые из них содержали свыше двух сот стихов), то опасность забыть, перепутать или исказить слова Аллаха начала беспокоить и самого Мухаммада, хотя в одном из откровений Всевышний утешал:

«– Мы дадим прочесть тебе, и ты не забудешь, если не пожелает чего-нибудь Аллах».

– Не шевели свой язык с этим, чтобы ускорить его. Поистине, на Нас лежит собрание его и чтение. И когда мы читаем его, следуй за его чтением».

Тем не менее, во избежание путаницы он решил иметь секретаря, человека честного и преданного ему, который не поддаётся соблазну в небольших переделках записываемых со слов Мухаммада откровений. Таким человеком стал Абдаллах, сын зятя Мухаммада. Это был поэт, обладавший тонким чувством слова, но, к сожалению, оказавшийся крайне честолюбивым, и нередко (по тону его голоса и выражению лица) многие догадывались, что он отнюдь не считает себя человеком непричастным к творчеству Мухаммада...

Так Мухаммад, превосходно разбиравшийся в людях, на этот раз ошибся, и пригрозил, как говорится, змею у себя на груди – змею, которая отреплась от веры, бежала из Медины в Мекку, чтобы порочить Мухаммада рассказами о своём участии в «сочинении» Корана. Спустя годы, когда Мекка была завоевана, Абдаллах ибн Саад, благодаря его молочному брату Осману ибн аль-Аффан (зятя Мухаммада), добился, чтобы пророк выслушал оправдания и решил его участь. Мрачен был Мухаммад. Долго молча слушал он ибн Саада. Никто не нанёс ему такого болезненного удара, как Саад, запятнав-

ший божественный Коран, – не ему ли было знать, как записывались слова Аллаха? И... Мухаммад простил: «Я – пророк, я не мог не простить его. Почему никто из вас не отрубил мерзавцу голову – ведь я долго молчал?», – с упреком спрашивал он своих соратников...

Над стихами Корана до сих пор ломают головы почтенные арабисты и мусульманские богословы, ибо много в них загадочных (и допускающих различные толкования) мест, которые сохранились с момента их создания. Что ж, в связи с этим нам остаётся лишь констатировать непреложный факт: у поэзии свои законы, ибо только подъём поэтического вдохновения мог привести Мухаммада к столь неадекватному пониманию многих коранических сур.

Под поэтическим творчеством, как и созидательным трудом вообще, очевидно, надо понимать «...то дерзание, которое претендует на превышение отпущенных человеку возможностей для проникновения в нас самих и окружающий мир» (Б.Бурсов. «Судьба Пушкина»).

Ум наш задаётся вопросами, ответ на каждый из которых служит «стартовой» площадкой для последующего. По всей видимости, это наиболее плодотворный метод мышления. «Мыслить – значит, говорить с самим собой..., слышать себя самого», – говорил Кант. В то же время природа искусства немислима без фантазии, хотя крупнейшие философы древности (да и нового времени) все же противопоставляют творческие возможности человека силе, именуемой Бог. И наоборот, художники, даже из числа религиозных, подходили к человеку, как существу, наделённому божественным началом, которое заключено в нём.

Паскаль решительно настаивал на Боге как источнике чуда, однако и он искал в людях чудотворную силу, ибо, как великого учёного-математика, его, прежде всего, занимали возможности человеческого разума. Но и ему ясно было то, что не всё решает разум – есть ещё неотъемлемые от человека вдохновение и вера, которые, действуя заодно с разумом, являются предпосылкой творчества.

Гоголь утверждал: «Ум не есть высшая способность в нас...», что над ним возвышается разум, хотя и «разум не даёт полной возможности человеку стремиться вперёд» – для такого стремления нужна мудрость», – заключал он.

Толстой писал: «Разум не одно и то же, что ум, но противоположность ему: разум освобождает человека от тех соблазнов (обманов), которые накладывают на него ум». По Толстому, – «каждый человек обладает свободной, творческой, божественной силой».

Юра МАМЕДОВ.

Окончание следует.

На снимке: мавзолей Мухаммада.